

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ

Т.В. Шипунова

СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ, ОТЧУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ И АГРЕССИЯ КАК МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДЕВИАНТНОСТИ

В статье представлена концепция воспроизводства в обществе девиантности. Это массовое явление рассматривается как реакция на социальную несправедливость, творимую отдельными индивидами, социальными группами и обществом в целом. Социальная несправедливость может выражаться в виде социального исключения, отчуждения, насилия и агрессии. В статье определяются содержание и объемы этих понятий, выстраивается классификация форм насилия, даются их характеристики, анализируются теоретические проблемы, связанные с использованием понятий в практике превенции девиантности.

Для объяснения девиантности используются различные концепции: аномии, стигматизации, дезорганизации, контроля, конфликтов, стратификации, неравенства, напряженности и т. д. Все они в той или иной мере отражают наши представления о комплексе причин, условий и факторов, влияющих на возникновение девиантности. Однако в указанных теориях не уделяется достаточного внимания собственно механизмам воспроизводства названного явления или, иначе говоря, процессному аспекту воздействия аномии, стигматизации, избыточного или недостаточного контроля, социальной стратификации, напряженности и т. д. С нашей точки зрения, к понятиям, наиболее адекватно отражающим этот непрерывный процесс, относятся, прежде всего, понятия «социальное исключение», «отчуждение», «насилие» и «агрессия». Рассмотрим подробнее сами эти феномены, а также их влияние на возникновение девиантности в обществе. Следует оговориться: в статье делается акцент на анализе механизмов воспроизводства девиантности как *массового явления*, что означает одновременно возможность существования других механизмов воспроизводства девиантных поступков как единичных явлений. При этом автор исходит из методологического принципа несводимости целого сверхсуммативного явления (каковым предстает девиантность) к совокупности его элементов.

Социальное исключение

Можно выделить следующие этапы использования понятия «социальное исключение» (Погам 1999).

1960-е гг.: социальное исключение как объяснение существования определенной группы населения на обочине экономического прогресса. Здесь использование понятия ограничивается описанием механизмов воспроизводства потомственного субпролетариата. Эта маргинальная группа социально не приспособлена к жизни в обществе в силу индивидуальных недостатков, главными из которых являются безответственность и непредусмотрительность. Основной в данном подходе остается проблема социального неравенства и его воспроизводства.

1970-е гг.: социальное исключение — это не индивидуальный, а коллективный феномен, возникающий в результате функционирования социальной системы. При этом в качестве причин возникновения исключения назывались следующие социальные процессы: урбанизация; стандартизация школьной системы; смена привычной среды, вызванная профессиональной мобильностью; неравенство в доходах и в доступе к медицинскому обслуживанию и т. д. В эти годы приходит осознание, что исключение распространяется не только на маргинальные группы (делинквентные подростки, молодые наркоманы, лица с психическими расстройствами и суицидальным поведением, алкоголики, взрослые преступники, иноязычные мигранты и т. п.), но и на все слои населения.

1980–90-е гг.: термин «социальное исключение» вытесняется термином «нестабильная ситуация», которая связывалась в основном с ростом безработицы и возможностью «благополучных» граждан оказаться в роли невольных исключенных («новых бедных») из социальных процессов. При объяснении социального исключения стали широко использоваться термины «экслюзия» и «underclass» (ундеркласс). Оба понятия указывают на то, что безработица и бедность происходят из социальных отношений, точнее из отношений принадлежности и исключения. Дискуссия об экслюзии и низшем классе вырастает из тезиса, что в развитом капиталистическом обществе все большему числу людей угрожает маргинализация на рынке труда, полное исключение возможностей найти работу и общественная изоляция (Althoff, Cremer-Schaefer, Loeschper, Reinke, Smaus 2001: 29). В широком смысле под общественной изоляцией понимается исключение возможности иметь часть социальных благ, соответствующих общественным стандартам, которая одновременно является выражением возможностей индивида к социальному действию. В узком смысле общественная изоляция означает минимизацию социальных связей или их ограничение только связями с ближайшим окружением. Оба аспекта социальной изоляции тесно связаны между собой. При уменьшении социальных связей понижается возможность улучшения материальных условий и получения помощи в поисках работы, и одновременно существенно ухудшаются перспективы владения частью общественного богатства. При этом следует учитывать, что общественная изоляция имеет тенденцию к самоусилению (Althoff, Cremer-Schaefer, Loeschper, Reinke, Smaus 2001: 30). При рассмотрении социального исключения делается акцент на разрыве социальных связей и кризисе идентичности. Таким образом, социальное исключение определяется как результат ослабления социальных связей, «который в

реальности узаконивает неравную способность индивидов приспособливаться к быстрым изменениям и вступать в борьбу всех против всех» (Погам 1999: 151). Следствием исключения становится социальная дисквалификация.

Рассуждая о социальном исключении с системно-теоретической точки зрения, Н. Луман сформулировал вопрос: «Как может быть в обществе явление инклюзии, если нет эксклюзии?» (Luhmann 1995: 146–147). Логика его рассуждений такова. Общество — это система, в которой каждый человек выполняет определенные функции, что обеспечивает его функциональность. Следовательно, поскольку общество изначально включает человека в общественные отношения, то не может быть эксклюзии. Обычно понятия «инклюзия» и «эксклюзия», «внутри» и «снаружи» понимаются как «или-или», а в случае теории систем — как логическая альтернатива. Но есть ли альтернатива позициям «внутри-снаружи»? На этот вопрос попытался в свое время ответить Г. Зиммель. Он писал, что «внутри» и «снаружи» не имеют логического противоречия, а лишь отражают названия социальных отношений (Simmel 1983: 509). При этом он сравнил бедных с чужими. «Чужесть» сначала конституируется для нас через наши отношения к чужим, через то, что мы встречаем в отношениях с ними. Исключение, по его мнению, предполагает отношения принадлежности или, как минимум, притязания на принадлежность. Можно добавить, что это означает также возможность управления процессом исключения определенных лиц, групп, социальных систем из легитимного пространства и включения их в список «чужих» за счет введения или непринятия определенных нормативных предписаний, регулирующих социальные отношения.

На наш взгляд, использование понятия «социальное исключение» в разных контекстах сопряжено с рядом противоречий и потенциальных возможностей, которые пока не нашли рефлексии в социологической литературе. Речь идет о следующем.

Во-первых, рассмотрение разрыва социальных связей как следствия социального исключения является важным, но не единственно возможным способом осмысления этого явления, поскольку социальные связи рвутся не только в результате социального исключения. Они — порождение более глобальных процессов, происходящих в современном постиндустриальном обществе, и сами могут породить социальное исключение.

Во-вторых, социальное исключение рассматривается исследователями в основном на межличностном и групповом уровнях организации социума. На социетальный уровень исследователи выходят лишь в связи с рассмотрением социальной стратификации и ее последствий для индивидов и групп. Однако следует ли ограничиваться рассмотрением данного феномена только с точки зрения социальной стратификации? Социальная система, возникнув однажды, начинает жить по собственной схеме самоорганизации, которая либо прямо навязывает людям «правила игры», либо выступает фоном для протекания социальных взаимодействий. Она зачастую исключает сами понятия Добра и Зла, поскольку ее бытие — это бытие без названия, а элементы (люди) — это необходимое (но не достаточное) условие жизни системы.

И, наконец, в-третьих, понятие «социальное исключение» может приобрести гораздо более адекватное содержание, если это явление рассматривать как

универсальный способ изоляции, отстранения не только людей, групп, но *и подсистем* общества от социальной жизни: осуществления определенных видов деятельности, создания новых подсистем, получения информации и т. д.

Любая социальная система функционирует и развивается в соответствии со следующими принципами: совместимости элементов и подсистем; структурной иерархии; координации и субординации целей и функций; структурно-функциональной лабильности; прогрессирующей дифференциации и интеграции функций; унификации и стандартизации; социальной экспансии (Айдинян 1980). Действие каждого из названных принципов сопровождается социальным исключением, которое является методом или тактикой реализации, подчеркнем — объективно действующего принципа. Иначе говоря, социальное исключение — не то чтобы редкое, но повсеместно распространенное явление, это способ существования системы, без которого невозможно удержать ее относительную стабильность в каждый данный период времени. Последствия такого социального исключения могут быть позитивными или негативными как для отдельного индивида или группы, так и для некоторых социальных подсистем. Однако все они в конечном итоге обеспечивают сохранение системы в целом, хотя, разумеется, система в историческом плане может находиться либо в состоянии развития, либо стагнации, либо она может деградировать (что также является показателем ее развития).

Продемонстрируем кратко данный тезис на примерах, учитывая, однако, что названные принципы действуют не изолированно друг от друга, а все вместе, и социальное исключение «работает» сразу на реализацию нескольких принципов, проявляясь во всех сферах жизни общества: политике, управлении, экономике, морали, образовании и т. д. и т. п. Однако в этих сферах социальное исключение получает другие названия, оно легитимизируется, оформляется в виде прямых предписаний к исполнению, жестко контролируется при реализации, что, впрочем, не скрывает его сути.

В политике и управлении социальное исключение — это обыденное явление, поскольку обслуживает основной принцип — иерархичность социальной системы. Власть и богатство — это главные прагматические ценности общества, но поскольку «пряников не хватает на всех», то борьба за эти ценности сопровождается жесточайшим исключением (отстранением, отлучением) в конкурентной гонке всех, кто хотел бы оказаться на верху социальной пирамиды. Методы такого исключения известны: компроматы или физическое устранение; объявление потенциальных конкурентов (отдельных лидеров, партий, общественных организаций) вне закона или продолжение травли до тех пор, пока они сами не откажутся от своих притязаний; разработка и принятие законов, нормативных актов, делающих легитимными любые действия правящей верхушки; утаивание информации или прямая дезинформация населения; сверхбюрократизация управления и т. д.

В экономической сфере также используются все вышеназванные методы социального исключения, поскольку эти две сферы жизни общества тесно взаимосвязаны. Вообще, можно сказать, что любая конкуренция (и, прежде всего — экономическая) ведет в той или иной степени к социальному исключению одной из конкурирующих сторон.

Сложнее обстоит дело со сферой воспитания и образования. Для сохранения системы необходима реализация принципа стандартизации и унификации (в том

числе и в сфере получения определенной профессиональной подготовки). Однако поскольку все принципы существования системы имманентно сопряжены друг с другом, то воплощение одного может самым неожиданным образом сказаться на реализации других. И здесь возникают интересные явления использования системой социального исключения через различные легитимные механизмы. Приведем несколько примеров.

В *морали* таким механизмом является установка на «должное». Мораль определяется как форма общественного сознания, в которой отображаются принципы, нормы и правила, регулирующие взаимоотношения людей и деятельность социальных систем в обществе. Само определение не устанавливает различий между желательными и реально действующими принципами, нормами и правилами взаимоотношений людей в обществе. Но, читая этическую литературу, мы постоянно обнаруживаем стремление навязать нам некое идеальное видение реального мира. Безусловно, знакомство с «должным» необходимо, оно способствует формированию нравственного стержня личности, который сохраняется у него всю жизнь. Но эти идеальные ценности и нормы используются зачастую только в отношении самых близких людей (родных, друзей). Жизнь же в обществе предполагает некоторую закрытость, осторожность в поведении, отстраненность от «чужих». Иначе будет трудно выжить, твои слабости будут использоваться другими людьми для получения личной выгоды. Поэтому воспитание лишь на идеальных примерах — это не только прискорбное заблуждение, но и одновременно суть лицемерной морали, призванной не столько знакомить подрастающее поколение с жизнью, сколько держать его в неведении относительно «правил игры», т. е. на время исключить из социальных процессов. Глубинная суть такого отлучения от истины заключается в том, что несведущими легче управлять, их легче заставить поверить в демагогию взрослых. Сначала это воспитатели в детских садах и учителя в школах, а потом — политики, декларирующие в качестве идейных установок «свободу, равенство, братство». При этом они, как чаще всего бывает, не забывают отхватить себе кусок побольше, чтобы быть более свободным среди «свободных» и вовсе не равным среди «равных» ни по своему служебному положению, дающему власть над другими людьми, ни по своему экономическому состоянию, обеспечивающему эту свободу и власть. Люди выбирают нечестных политиков потому, что легковерно относятся к их публичным заверениям и обещаниям соблюдать социальную справедливость, быть принципиальным, уважать старость, заботиться о человеческом достоинстве и т. д. Все эти обещания укладываются в представления о «должном», сформированные общественной моралью. Эти слова узнаваемы, они служат сигналом для принятия выступающего в качестве «своего». И наоборот, если политический лидер забывает нанизать в своем выступлении бусинки слов из собрания «должного», то он не признается электоратом. Это легко проследить в период любой избирательной кампании. Здесь уместно вспомнить также советскую литературу и искусство, где примат «должного» был доведен до абсурда. При этом мы не можем отказать советским идеологам в изобретательности и эффективности их работы, ибо до сих пор старшее поколение ходит с зашоренными глазами, не желая видеть преступного правления советской властной элиты, понося новую жизнь и новые ценности молоде-

жи. Это одуроченное лживой моралью поколение почти полностью исключено из социальной жизни, поскольку не в состоянии поменять представления о должном на объективное видение жизни в обществе и адекватно реагировать (адаптироваться) на социальные изменения. Можно сказать, что социальное исключение наших пенсионеров обусловлено не только их статусом, антисоциальной политикой российского государства, но и демагогией морали долга.

О социальном исключении в *сфере образования* написано немало. Оно способствует, по сути дела, наследованию властных позиций детьми элиты, находящейся в данное время на вершине социальной пирамиды (а, следовательно, самосохранению структуры системы в стабильном состоянии). Но важно обратить внимание и на другой аспект — стремление государства держать под контролем умы и души молодых людей, поскольку они — наиболее опасны для власти (известно, что многие реформы в демократических странах начинались именно с забастовок студентов). Ну, а подобная ориентация государства уже формирует целый букет насильственных тактик, сопряженных с социальным исключением: бюрократические препоны для создания альтернативных школ, ничтожное финансирование библиотек, установление госстандартов, неравные возможности получения образования и т. д. Таков механизм социального отлучения от информации и поддержания стабильности системы.

Оба вышеописанных вида социального исключения легитимны и функциональны с точки зрения государства. Они обеспечивают господство экономической и политической элит.

Социальное исключение может быть полным или частичным, но в любом случае это — разрыв социальных связей, за которым следуют кризис личностной идентичности и социальная дисквалификация человека. Исключение человека из активной социальной жизни вызывает в нем *отчуждение*, которое является причиной многих видов девиантного поведения, ибо неизменно подталкивает человека к поиску замены легитимных форм социального взаимодействия, доступ к которым оказался для него перекрытым.

Отчуждение

Термин «отчуждение» используется в литературе чаще всего для обозначения *отстранения* индивида или социальной группы от каких-либо материальных или духовных ценностей. И в таком понимании отчуждение совпадает с социальным исключением. Однако это понятие шире, поскольку включает в себя также характеристику состояния человека, в отношении которого совершается такое отстранение. Чтобы понять это, следует вкратце проанализировать развитие представлений об этом явлении.

Начало осмыслению проблематики отчуждения было положено в Новое время, когда авторы различных вариантов общественного договора (Гоббс, Руссо, Монтескье, Локк) при объяснении возникновения общества говорили об отчуждении как *акте передачи человеком своих прав* политическому организму (т. е. государству) и видели в этом источник и причину последующего порабощения человека (История в энциклопедии... 1978: 354–362; 370–377). В учении Гегеля отчуждение понимается двояко: во-первых, отчуждение — это

процесс объективизации абсолютного духа в природе и в истории в ходе своего саморазвития; во-вторых, отчуждение — это *отрицательное отношение человека к созданной им реальности* буржуазного общества, неприятие им этой реальности (Гусейнов, Иррлицц 1987: 464–479). В этом втором значении термин «отчуждение» используется в философии экзистенциализма, а также в сочинениях Маркузе, Адорно, Хоркхаймера, Фромма и других «новых левых», развернувших в 60-х гг. XX в. обстоятельный критический анализ устоев западного общества.

В учении Маркса под отчуждением понимается *превращение* процесса и результата человеческой деятельности в *самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему*. Благодаря отчуждению человек превращается в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих классов, он не может осуществлять *контроль над условиями, средствами и продуктом собственного труда*, он объективно лишен такого права. Источником и коренной причиной отчуждения является разделение труда, которое порождает частную собственность, товарно-денежные (рыночные) отношения и классовое противостояние в обществе антагонистических формаций (Маркс 1956). По логике данного учения получается, что для избавления от отчуждения и эксплуатации человека недостаточно уничтожить частную собственность и капитализм, нужно еще уничтожить разделение труда. Но беда в том, что этого сделать невозможно, коллективная человеческая деятельность изначально требует разделения труда.

Все названные представления об отчуждении объединяют две характерные особенности: 1) говоря об отчуждении человека, они имеют в виду абстрактного человека, человека вообще как социально-историческое родовое существо, что, впрочем, естественно для философских учений; 2) все они практически бесполезны или даже вредны, поскольку либо считают, что отчуждение — непреходящее свойство общественного бытия человека (теоретики общественного договора, экзистенциалисты), а это создает ощущение беспросветного трагизма человеческого существования, либо же выдвигают утопические рецепты общественного переустройства (Маркс, марксисты, «новые левые»). Что касается советских марксистов, писавших об отчуждении, то они утверждали (в шутку, всерьез ли), будто реальный социализм уничтожил источники и причины отчуждения.

В социологии термин «отчуждение» почему-то не привился, хотя в некоторых социологических концепциях прямо говорится о сущности, истоках и/или формах проявления отчуждения часто без употребления этого слова: в учении Зиммеля о противоречии между творчеством и объективированными формами культуры — как «трагедии культуры»; в учении Тенниса о «гемайншафт» и «гезельшафт» (отчуждение возникает при переходе от сплоченной общины к менее интегрированному современному обществу); в учении о бюрократии Манхейма и Вебера; в концепции социальной аномии Дюркгейма и Мертона.

Тем не менее, социология нуждается в дальнейшем развитии теории отчуждения, ориентированной на современную практику, поскольку современный мир, изменившись, изменил и человека, «... человек до такой степени превратился в простой винтик сложной социальной системы, что отчуждение от самого себя стало почти всеобщим...» (Хорни 2000: 141).

В современном языке под словом «отчуждение» фигурируют три самостоятельных понятия:

1) в теоретическом и практическом праве, включая Гражданский кодекс, отчуждение означает передачу каких-либо имущественных прав (прав собственности) другому физическому или юридическому лицу (как видим, данное понимание восходит к трактовке этого понятия теоретиками общественного договора);

2) отчуждение — это психологическое состояние человека, характеризующее его негативное отношение к окружающей действительности (данное понимание восходит ко второму варианту гегелевской трактовки отчуждения);

3) отчуждение — это объективный социальный процесс, лишаящий человека возможности контролировать условия, средства и продукты собственного труда (данный вариант восходит к марксистской концепции отчуждения).

Если объединить два последних варианта в одной дефиниции, то можно получить определение, пригодное для целостной социологической теории отчуждения человека и не противоречащее исторически возникшей традиции употребления этого слова.

Отчуждение — это такое мироощущение и умонастроение человека, при которых он воспринимает окружающую действительность (условия бытия, труда и вознаграждения, отношение начальства, установленные нормативные системы, которым он обязан подчиняться) как глубоко *несправедливую, чуждую и враждебную* ему и которые являются психологическим (субъективным) следствием объективной лишенности человека права контролировать условия, средства и продукты труда и собственной жизни.

Для того чтобы продемонстрировать взаимосвязь социального исключения и отчуждения, рассмотрим становление так называемой предпринимательской организованной преступности, которая обычно возникает в результате следующих процессов: 1) бесконтрольного проникновения предприимчивых (но нечистых на руку) людей во власть; 2) негласного договора представителей «теневой экономики» с государственными органами; 3) удовлетворения предпринимателями противоправными способами «низменных инстинктов и потребностей» людей (например, при продаже наркотиков или развитии бизнеса в сфере оказания сексуальных услуг); 4) установления государственной монополии на определенные виды деятельности.

Все эти явления предстают как причины, порождающие и умножающие социальную несправедливость. Особый интерес в плане порождения несправедливости представляет пункт об установлении государственной монополии, поскольку такое *произвольное решение* властей *воспринимается* как ущемление права предпринимателя заниматься деятельностью, способной приносить доход, и расценивается как *несправедливость*, допущенная государством. В то же время установление государственной монополии на какую-либо деятельность — это, пожалуй, самый продуктивный способ создания и поддержания предпринимательской организованной преступности. Здесь вспоминается в первую очередь установление монополии на продажу алкогольных напитков, порождающее «теневое» производство, хранение и продажу нелегальной алкогольной продукции. Но можно привести множество и других примеров:

– в советское время монополия на распределение импортных и чаще всего

более модных и качественных (по сравнению с советскими) товаров породила фарцовщиков, которые получали прибыль с продажи импортных товаров;

– монополия на отправление правосудия, кроме всего прочего, порождает подпольный бизнес киллеров;

– монополия на государственную торговлю оружием вызвала к жизни баснословно прибыльную преступную деятельность по торговле этой продукцией;

– монополия на установление произвольных таможенных пошлин на определенные товары породила, к примеру, нелегальный бизнес по продаже краденных или купленных «по дешевке» импортных автомобилей и запасных частей к ним;

– монополия на операции с валютой в советское время обернулась созданием организованной преступности, занимающейся скупкой, продажей и ввозом из-за границы конвертируемой валюты.

В момент оценивания ситуации как *несправедливой* и создающей ситуацию *социального исключения* из экономических отношений у агентов социального взаимодействия возникает *состояние отчуждения*, которое, по сути дела, становится логическим и моральным оправданием всей дальнейшей деятельности, направленной на преодоление этой несправедливости нелегальными способами и путями. Поскольку государство устанавливает ограничения на участие в легальных видах деятельности и часто неразумно ограничивает саму легальную экономическую деятельность, то для достижения прагматических целей теперь можно использовать все средства: подкуп чиновников и политиков; лоббирование своих корыстных интересов при выработке законов; создание многоуровневого маркетинга, например, при торговле наркотиками и т. д.

Агрессия и насилие

Интерес к теме агрессии и насилия главным образом обусловлен тем, что многие исследователи с помощью этих понятий объясняют (или пытаются объяснить) деструктивные действия людей и социальных систем: войны, захват или угроза захвата чужого имущества и/или территории, любое преступное деяние и девиантность в целом. При этом они нередко становятся на позиции классических учений: о врожденном инстинкте агрессии (К. Лоренц) или инстинкте смерти — Танатосе (З. Фрейд).

В научной литературе прослеживаются несколько вариантов понимания агрессии:

– с точки зрения *психоаналитической теории* агрессия понимается как проявление Эдипова комплекса, как результат подавления инстинктивных либидозных стремлений в раннем детстве;

– согласно сторонникам *необихевиоризма* агрессия предстает следствием фрустрации, претерпеваемой личностью в процессе социального научения (Дж. Доллард, Н. Миллер, А. Бандура, Л. Берковитц);

– *интеракционисты* представляют агрессию как следствие объективного «конфликта интересов», «несовместимости целей» отдельных личностей и социальных групп (Д. Кембелл, М. Шериф);

– в рамках *когнитивизма* феномен агрессии предстает как результат «дис-

сонансов» и «несоответствий» в познавательной сфере субъекта (Л. Фестингер, Г. Тэшфел);

– с биологизаторских позиций агрессия выступает как чисто инстинктивное поведение, присущее как животным, так и человеку (Л. Лоренц).

Нетрудно заметить, что все эти варианты объясняют источник и/или способы проявления агрессии, но не раскрывают содержание понятия «агрессия». Так что мы остаемся на уровне интуитивного понимания этого феномена.

Аналогично обстоит дело и с понятием «насилие». С позиций *социологического подхода* насилие определяется как «взаимодействие, которое... по своим последствиям ведет к снижению уровня организации одной из сторон-участниц: перевода ее на более низкий уровень... падению ее потенциала и сопровождается снижением степени свободы действий, ростом ригидности, фрустрации и демотивации» (Мысин 1997: 9).

Согласно *антропологическому подходу* агрессия и насилие выступают как природное свойство человека. С обретением человеком таких свойств, как понимание и рациональность, не происходит отказа от насилия, присущего в равной степени всем животным. В отечественной литературе этот подход нашел широкую поддержку (см., напр.: Денисов 1975; Гишинский 1990; Насилие... 1997; Гусейнов 1994).

Представители *культурологического подхода* понимают под насилием физическое и/или психологическое воздействие одних людей на других, которое причиняет вред (см., напр.: Quensel 1999; Жирар 2000; Аснер 1999).

Существенным и далеко не единственным недостатком последних двух определений является то, что в них не вмещаются некоторые виды «системного насилия», о которых мы поговорим дальше.

Анализ семантического поля понятий агрессии и насилия, а также различных языковых контекстов, в которых используются эти слова, позволяет принять в рамках данной работы следующие определения.

Насилие — это такое воздействие одного социального агента (человека, группы, системы) на другого, которое причиняет ему *ничем не заслуженный* физический и/или психологический вред либо *превышает меру эквивалентного воздаяния* в ответных реакциях.

Серьезные научные проблемы возникают в литературе тогда, когда в рассуждениях вольно или невольно отождествляются понятия «насилие» и «наказание». Поскольку социальное бытие насквозь пронизано институционализированными формами наказания (в педагогике, управлении, в процессах социализации, в моральной и правовой практике), постольку после указанного отождествления получается, что общество — это какой-то узаконенный «вертеп» сплошного насилия. Между тем наказание, если оно справедливое, это не насилие, а *воздаяние за провинность*, т. е. одна из форм и способов воплощения социальной справедливости. Насилием выступает лишь несправедливое наказание, которое нередко имеет место в процессах реализации тех же институционализированных форм наказания, и не только по глупости или по злой воле тех, кто призван осуществлять социальный контроль в ходе педагогической, управленческой, правоохранительной деятельности. Насилие происходит и тогда, когда вовсе не глупые и не злые люди по долгу службы добросовестно реа-

лизуют институционализированные формы наказания в целях защиты *социально-неадекватных* предписаний, норм и законов.

Путать в теории понятия «насилие» и «наказание» то же самое, что путать «убийство» (зло) и «эвтаназию» (добро), «трусость» (порок) и «осторожность» (добродетель) и т. д. В языке много таких бинарных оппозиций, граница между которыми подобна лезвию бритвы и разделить которые бывает сложно.

Агрессия — это начало насильственных действий в отношении какого-либо *не провинившегося* агента либо демонстрация открытой враждебности, угрозы силой, недвусмысленно показывающих тому вполне реальную возможность применения к нему насилия. Как и в случае с понятиями «насилие» и «наказание», нельзя путать понятия «агрессия» и «ответная защитная реакция», иначе возникают аналогичные теоретические и практические проблемы при улаживании конфликтов между разными агентами социального взаимодействия.

В литературе используется также понятие «аутоагрессия», под которым понимается деструктивное поведение, направленное на саморазрушение и самоуничтожение. Данное понятие вошло в научный обиход благодаря Э. Фромму, который считал аутоагрессию следствием неутоленных страстей человека. Однако в такой трактовке «аутоагрессия» тождественна «насилию над собой». Стало быть, термин «аутоагрессия» всего лишь создает ситуацию языковой синонимизации, от которой наука в меру сил старается избавиться.

В обществе существуют следующие виды насилия, выделенные по «субъекту и объекту» насилия:

- 1) одного индивида над другим;
- 2) одной группы людей над другой;
- 3) социальной системы над индивидом;

4) индивида над социальной системой (например, когда тоталитарный или авторитарный руководитель заставляет членов системы исполнять приказы, пагубные для всей системы);

- 5) одной социальной системы над другой.

(Третий и пятый виды насилия в дальнейшем будем называть «системным насилием».) Любой из названных видов насилия можно классифицировать как рефлекслируемое и нерелфлекслируемое, инициативное и ответное, легитимное и нелегитимное насилие.

Рефлекслируемое агрессивно-насильственное деяние на любом уровне социального взаимодействия имеет место, когда актер (инициативная сторона взаимодействия) вполне сознает, что творит, и делает это по собственной воле, т. е. он преднамеренно творит социальное зло в целях собственной выгоды. При этом он очень часто пользуется различными демагогическими приемами самооправдания: «ради высшей справедливости», «ради чистоты веры», «ради национальных интересов», «ради светлого будущего», «ради блага воспитуемого» и т. п.

Нерелфлекслируемое агрессивно-насильственное деяние совершается, когда актер не сознает, что творит, делает это непреднамеренно. Здесь насилие совершается либо по глупости, либо по невежеству, либо по злобности натуры, либо же по причине добросовестного исполнения социально-неадекватных инструкций, предписанных правил, норм и законов. Данный вид насилия на уровне межличностного социального взаимодействия принимает формы педаго-

гического, управленческого, социализационного, информационного и «самозванческого» насилия.

Педагогическое насилие реализуется в форме ретивого исполнения социально-неадекватных норм в сфере образования, завышенных домашних заданий, предвзятости школьных оценок, фаворитизма, завышенных требований к детям, в своей совокупности калечащих их психику и подрывающих физическое здоровье.

Управленческое насилие над подчиненными подчас принимает вопиющие формы и имеет место всегда, когда руководство осуществляется с помощью жестких авторитарных методов управления. Управленческое насилие распространено значительно больше педагогического. Объясняется это тем, что в сфере образования, как правило, работают профессионалы-педагоги, тогда как управленческой деятельностью занимается большое число людей, не имеющих профессиональной подготовки.

Социализационное насилие имеет место, когда в процессах социализации людям навязываются стандарты двойной морали, ориентации на допустимость утаивания правды или допустимость лжи в некоторых ситуациях и прочие ложные ценности, которые становятся причиной несчастья людей и в то же время источниками социального зла.

Информационное насилие имеет место, когда кино- и телеиндустрия, а также другие СМИ невольно романтизируют насилие либо погружают нас в атмосферу беспроектной «чернухи» и «порнухи»; деятели в области PR и рекламы принуждают жить в виртуальном мире симулякров; хакеры «взламывают» чужие программы, а хулиганствующие компьютерные фанатики придумывают и распространяют все новые и новые «вирусы».

«Самозванческое» насилие осуществляется в форме деспотизма «любящих-хотящих-быть-любимыми», в форме предательства и измен «решительных-за-других», в виде насилия «честных и принципиальных» блюстителей морали, раздающих направо и налево нравственные оценки людям и их делам, знающим, как нужно поступать в любой ситуации, всегда правым, всегда уверенным в своей непогрешимости и истинности своих мнений и суждений (Тулчинский 1996: 10–24, 32–44).

Выделение в теории категорий *инициативного и ответного насилия* важно и необходимо для осознания того, кто является зачинателем социального конфликта (агрессором) и, стало быть, ближайшей причиной социального зла в данном случае. Здесь следует иметь в виду, что естественная защитная реакция второго агента социального взаимодействия обретает форму насилия лишь в том случае, если такая реакция очевидным образом (т. е. достаточно сильно) превышает меру необходимой защиты в ситуации, когда среднестатистический человек либо другой агент социального взаимодействия вполне мог соблюсти эту меру.

Легитимное насилие имеет место, когда официальные, законные органы внутренней и внешней безопасности и социального контроля (представители полиции, органов госбезопасности, учителя и воспитатели, управляющие и государственные чиновники и т. д.) в ходе реализации своих функций (социально-ролевых предписаний) пользуются своим правом применения институционализированных форм наказания провинившихся. Но при этом сами нарушают экви-

валентную (т. е. справедливую) меру по разным причинам: по недоразумению, по собственной «худой» инициативе, из благих побуждений, из служебного рвения, по мотивам личной выгоды либо же в силу социальной неадекватности (несправедливости) тех традиционно сложившихся норм или официально принятых законов, которые они призваны защищать. Все формы легитимного насилия в своей совокупности составляют корпус системного насилия, т. е. социального зла, творимого самой системой сформировавшегося общественного порядка. Все остальные виды насилия согласно данной дихотомической классификации попадают в категорию нелегитимного насилия.

Казалось бы, то насилие, которое творится не по причине социальной неадекватности норм в системах образования, воспитания, управления, здравоохранения, морали и права, а по причине профессиональной непригодности или по мотивам личной эгоистической выгоды плохих учителей, воспитателей, медиков, управленцев, чиновников и т. д., не должно входить в категорию легитимного (т. е. системного) насилия. Однако в широком общественном мнении такое насилие относится к категории именно системного насилия и небезосновательно — ведь именно существующая система создает те условия, при которых плохие специалисты попадают на ответственные социально-ролевые позиции в обществе, а хорошие специалисты дисквалифицируются, подгоняя себя под требования системы, т. е. сами превращаются в жертвы системного насилия.

В литературе анализ агрессивного-насильственного поведения в социальном взаимодействии на *межличностном* уровне представлен, прежде всего, в теории самоопределения и социальной идентичности (см., напр.: Ulrich-Herrmann 1998). Согласно этим концепциям, один и тот же акт агрессии может иметь совершенно разные оценки в зависимости от многих факторов, например, в зависимости от того, *кто* дает оценку — инициатор действия, преследующий совершенно определенные личные цели, или респондент, на которого это действие направлено; *какова степень толерантности* респондента и *насколько серьезными* он считает для себя последствия такой агрессии; как высока *степень готовности* респондента дать отпор агрессору и многие другие. При таком подходе исследователь может получить данные, описывающие *субъективные оценки людей* относительно уровня социальной справедливости, что также очень важно, поскольку субъективные оценки социальной справедливости в последующем трансформируются в мировосприятие людей и их отношение к окружающим.

Анализ агрессивного-насильственного поведения на *межгрупповом* уровне в литературе связывается с дискриминирующим поведением членов одной малой группы в отношении членов другой группы (Otten, Mummendey 1999). Такое поведение возникает в результате стремления первых к новой позитивной социальной идентичности. Этот процесс предполагает социальное сравнение, при котором чем больше группа приписывает себе положительных качеств по сравнению с другими социальными группами, тем сильнее ее социальная идентичность и «Я-концепция» ее членов. Укрепление позиций одной из групп ведет к неадекватности в оценках других групп и вызывает их дискриминацию. Неадекватность оценок заключается в приписывании другим (не обязательно враждебным) группам некоторых негативных черт: низкой социальной ценности,

наличия негативных атрибутов, несоответствия идеальным представлениям о качестве жизни и т. п.

При моделировании системного насилия и агрессии речь может идти о четырех типах социальной интеракции, в которых участвуют различные социальные субъекты, и соответственно, о четырех уровнях социального взаимодействия: 1) между отдельными обществами в рамках метаобщества; 2) между подсистемами отдельного общества (т. е. между разными организациями); 3) между индивидом и социальными системами в рамках общества; 4) между подсистемами одной организации.

Системное насилие, вытекающее из агрессивной сути любой власти (Dahrendorf 1972), держится на особой технике поддержания господства, которая базируется на легитимации определенных норм, нарушение которых пресекается государственными контролирующими органами. Сама эта техника системного насилия превратилась в легитимный социальный институт, который выработал собственный категориальный аппарат для теоретического объяснения (и оправдания) необходимости своего существования, а также собственные практики применения объяснительных концепций в деятельности военных ведомств, уголовного преследования, полиции и гражданского принуждения. Можно выделить три уровня использования и готовности к использованию этого института: межличностный, коллективных деятелей, социетальный. При этом, однако, следует помнить, что объектом деятельности института насилия на любом уровне является, в конечном счете, каждый конкретный гражданин.

На межличностном уровне речь идет о вмешательстве в конфликты и события обыденной жизни граждан. Здесь государственная система в соответствии с декларируемой целью должна заниматься восстановлением попорченной справедливости, но современные системы контроля — это всего лишь «один из многочисленных случаев потери возможности для вовлечения граждан в решение задач, имеющих для них непосредственную важность» (Кристи 1999а: 36). *Насколько* системе удастся разрешать конфликты, можно судить по перегруженности судов, равнодушию к учету интересов жертв преступления, недоверию граждан к дееспособности правоохранительной системы, частоте обращений граждан за помощью в деле восстановления справедливости к организованным преступным группировкам, а также практически стопроцентной невозможности восстановить нарушенную справедливость, если это было сделано по вине власть имущих, поскольку «судебная тяжба между государством и гражданином возможна только тогда, когда власть имущих не находится под угрозой» (Bianchi 1988: 17). Некоторые криминологи выделяют «пять основных признаков, которые могут помочь в попытке объяснить объем зла, причиняемого государством своим гражданам» (Политический режим... 2001: 22–38). К ним относятся: 1) размеры пенитенциарной системы; 2) возможность управления ростом пенитенциарной системы; 3) уровень содержания заключенных; 4) прозрачность пенитенциарной системы; 5) степень цивилизованности отношений в пенитенциарной системе. Думается, что этих признаков недостаточно, поскольку они рассматривают только систему наказания и не затрагивают дискурс потенциальных жертв.

На межгрупповом уровне речь идет о контроле за отдельными группами. Здесь интересно было бы изучить, в защиту каких групп выступает государ-

ство и интересы каких групп при этом нарушает; как объединение интересов государства и этих групп сказывается на проявлении социальной несправедливости в отношении рядовых членов социума.

На социетальном уровне институт насилия повсеместно поддерживает лозунг «закон и порядок», а также разрабатывает теории «преступления и наказания» (различные конструкции мотивов преступления, криминологические теории о причинах преступления и становления преступником, распространение представлений — особенно через СМИ — о преступных социальных слоях или «группах риска» и т. д.). По сути дела, в этой плоскости вырабатываются стратегия и тактика социального исключения определенных, неугодных власти социальных групп (Кристи 1996). Здесь же реализуются различные тактики непосредственного устрашения населения через применение смертной казни как радикального средства исключения из жизни; лишение свободы, которое означает не что иное, как «внутреннее изгнание»; физическое наказание лиц, находящихся во временной или длительной изоляции, и т. д.

Системное насилие часто отождествляется с политической преступностью. При этом различают политическую преступность в государствах с тоталитарными режимами и в государствах с демократическим режимом. В тоталитарных государствах системное насилие имеет следующие виды и формы: насилие в процессе управления обществом; отсутствие политического плюрализма, демократических свобод; ограничение политических прав для всего населения или большей его части; умышленное противоправное лишение жизни и здоровья человека и целых социальных групп; незаконное лишение свободы человека; умышленное противоправное отчуждение, уничтожение или повреждение имущества; принудительный труд населения всего государства или его части; преступления судей против правосудия; создание системы трудовых лагерей для определенной группы населения — «классовых врагов»; борьба с религиями и общественными организациями. В демократических обществах к политической преступности относятся: политическая коррупция; различные злоупотребления властью для достижения политических целей (например, «черный PR» в предвыборных кампаниях); различные виды правонарушений при финансировании или материальном обеспечении политической деятельности отдельных субъектов политики; принятие лицами органов государственной власти денежных средств от иностранных государств, их органов для осуществления политической деятельности; воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан либо работе избирательных комиссий; фальсификация разных документов, например, избирательных; запреты легальных форм политического протеста (пикеты, голодовки, забастовки и т. д.); «информационная травля» одних политиков другими; подкуп избирателей (бесплатные обеды, выпивка или даже раздача денег) (Политический режим... 2001: 236–259).

Как видим, социальное исключение, отчуждение, агрессия и насилие, будучи сами по себе негативными явлениями, помогают лучше осознать процесс воздействия на социальное бытие и индивидов таких феноменов, как anomia, стигматизация, дезорганизация, контроль, конфликты, стратификация, неравенство, напряженность и т. д. Эти феномены появляются тогда, когда в обществе су-

ществуют социально-неадекватные нормы или ощущается дефицит социально-адекватных норм. Социально-адекватными следует считать те нормы, в которых верно отображено значение данного поступка или деятельности для общественного блага, которое в самом общем смысле понимается как самосохранение и развитие социальной системы, а также поддержание в ней приемлемого уровня адаптивной гибкости, позволяющей с минимальными затратами ресурсов подстраиваться под изменения внешней среды существования системы. Влияние указанных феноменов, представленное с помощью понятий «социальное исключение», «отчуждение», «агрессия» и «насилие», помогает осознать процесс воспроизводства в обществе девиантности. А изучение всех этих феноменов могло бы дать объемную картину конструирования государством социального порядка и самой социальной реальности.

Литература

- Айдинян Р.М. Введение в теорию социальной организации. Л., 1980.
- Аснер П. Насилие и мир. СПб.: Всемирное слово, 1999.
- Гишинский Я.И. Социальное насилие... и смысл жизни // Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки общества. М.: АН СССР Институт социологии, 1990. Вып. 8.
- Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987.
- Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6.
- Денисов В.В. Социология насилия. М.: Политиздат, 1975.
- Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое лит. обозрение, 2000.
- История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: Наука, 1978. Гл. II.
- Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999а. Вып. 1.
- Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия / Вперед, к ГУЛАГу западного образца? М.: Идея-Пресс, 1999б.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. Соч. М.: Наука, 1956. Т. 42.
- Мысин Н. Насилие как социальная технология: от организации к хаосу // Насилие в современном мире. СПб., 1997.
- Насилие в современном мире. СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997.
- Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Специальный выпуск: Современная французская социология.
- Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
- Тулчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1996.
- Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Апрель-Пресс; Эскомо-Пресс, 2000.
- Althoff M., Cremer-Schaefer H., Loeschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschliessung: Kriminalpolitik und Kriminalitaet in Zeiten gesellschaftlicher Transformation. Baden-Baden: Nomos, 2001.

Bianchi H. Alternativen zur Strafjustiz: biblische Gerechtigkeit, Freistätten, Täter-Opfer-Ausgleich. München: Grünewald, 1988.

Dahrendorf R. Konflikt und Freiheit: Auf dem Weg zur Dienstklassengesellschaft. München: Piper, 1972.

Luhmann N. Jenseits von Barbarei / Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Band 4. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.

Otten S., Mummendey A. Agressive Interaktionen und soziale Diskriminierung: Zur Rolle perspektiven- und kontextspezifischer Legitimationsprozesse // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1999. Jg. 30. Heft 2–3.

Quensel S. Kultur und Gewalt — ein kriminologischer Diskurs? // Kriminologischer Journal. 1999. Jg. 31. Heft 2.

Simmel G. Soziologie. Untersuchungen ueber die Formen der Vergesellschaftung. Berlin: Duncker & Humblot, 1983.

Ulrich-Herrmann M. Lebensstile Jugendlicher und Gewalt: eine Typologie zur mehrdimensionalen Erklärung eines sozialen Problems. Münster, 1998.